

Редьярд Киплинг

В кратере

Редьярд Киплинг
В кратере

«Public Domain»

1885

Киплинг Р. Д.

В кратере / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1885

«Это не вымысел. Джекс действительно случайно попал в поселение, о существовании которого давно известно многим, хотя Джекс – единственный англичанин, побывавший в этом странном месте. Приблизительно такой же поселок находился недалеко от Калькутты, и говорят, что в Биканире, в самом центре великой пустыни Индии, можно натолкнуться не на деревню, а на целый большой город, в котором живут мертвые, не умершие, но и не имеющие права жить...»

Редьярд Киплинг В кратере

* * *

*Жив ты или умер – другой дороги нет.
Туземная пословица*

Это не вымысел. Джекс действительно случайно попал в поселение, о существовании которого давно известно многим, хотя Джекс – единственный англичанин, побывавший в этом странном месте. Приблизительно такой же поселок находился недалеко от Калькутты, и говорят, что в Биканире, в самом центре великой пустыни Индии, можно натолкнуться не на деревню, а на целый большой город, в котором живут мертвые, не умершие, но и не имеющие права жить. Вполне установлен факт, что в той же самой пустыне стоит изумительный город, в который удаляются разбогатевшие ростовщики (они обладают до того крупными состояниями, что, не решаясь доверять их охрану правительству, бегут с ними в безводные пески). В этой глухой местности богачи катаются в роскошных экипажах со стоячими рессорами, покупают себе красивых невольниц, украшают свои дворцы золотом и слоновой костью, облицовочными черепицами и перламутром. Почему бы и рассказу Джекса не быть истиной? Он гражданский инженер. Его голова создана для чертежей, планов, определения расстояний и тому подобных вещей, и уж конечно не он стал бы сочинять сказки, это принесло бы ему меньше выгоды, чем его собственное дело. Джекс никогда ничего не изменяет в своем рассказе. Говоря, он очень горячится и сильно негодует, вспоминая, как непочтительно обращались с ним. Сначала он просто записал факты, потом немного исправил свой рассказ и ввел в него несколько размышлений.

Итак:

Все началось с легкого припадка лихорадки. Ради моей работы мне пришлось провести несколько месяцев в лагере между Пакпатаном и Мубаракпуром. Это, как известно всякому, имеющему несчастье попасть туда, унылая песчаная пустыня. Мои кули оказались не более и не менее несносны, чем все их собратья, а моя задача требовала от меня такого внимания, что я не мог жаловаться и ныть, если бы даже имел склонность к такой несвойственной мужчине слабости.

23 декабря 1884 года я почувствовал приступ лихорадки. Было полнолуние, все собаки вокруг моей палатки выли: они собирались по две, по три и доводили меня до остервенения. За несколько дней перед тем я убил одного из этих громогласных певцов и повесил его труп «in terrorem», шагах в пятидесяти от входа в мою палатку. Но друзья этого погибшего накинулись на его тело, стали драться, наконец, съели его без остатка и, как мне показалось, с новым воодушевлением запели благодарственные гимны.

Полубредовое состояние – следствие жары – у различных людей выражается различным образом. Мое раздражение уступило место определенному желанию убить одну огромную собаку, черную с белыми пятнами, она первая поднимала по вечерам вой и, когда я появлялся, убегала быстрее всех остальных. Это повторялось в течение всего вечера. Голова у меня кружилась, руки дрожали, и поэтому, два раза выстрелив в ненавистное животное, я дважды промахнулся. Наконец, мне представилось, что лучше всего выехать из дому верхом, выгнать несносного пса на открытую равнину и убить его копьем для кабанов. Понятно, подобный план

мог родиться только в полусознательном лихорадочном мозгу. Тем не менее я отлично помню, что в то время эта мысль казалась мне очень практичной и удобоисполнимой.

Я приказал своему груму оседлать Порника и тихонько подвести его к заднему выходу из палатки. Лошадь оседлали. Я остановился перед ней, готовый вскочить в седло, едва послышится голос черного с белым пса. Порник несколько дней не выходил из стойла. В ночном воздухе чувствовалась прохлада, а я вооружил свои ноги парой острых «убедительных» шпор, которые раньше в этот день помогли мне оживить одного медленного, флегматичного конька. Итак, вы, конечно, сами поймете, что едва я позволил Порнику двинуться вперед, он быстро поскакал. Собака кинулась прочь, мы за ней, и через мгновение палатка осталась далеко позади нас. Порник мчался по гладкой, мягкой почве со скоростью чистокровного скакуна на скачке. Еще мгновение, и мой конь обогнал несчастную собаку, а я... я почти забыл, зачем мне вздумалось сесть на лошадь и взять с собой длинное копье.

Лихорадочный жар, быстрая скачка, холод бодрящего воздуха, все вместе, вероятно, лишило меня остатка здравого смысла. Во мне сохранилось слабое воспоминание о том, как я поднялся на стременах и, потрясая моим копьем, грозил большой белой луне, которая спокойно смотрела на мою безумную скачку, и какие вызывающие фразы бросал я кустам дикого терновника, склонявшим свои ветви. Помнится, я раза два зашатался, качнулся, почти упал на шею Порника и буквально повис на шпорах. На следующий день об этом рассказали следы. Несчастливая собака, точно одержимая, мчалась по залитой лунным светом бесконечной равнине. Я помню, как перед нами внезапно вырос подъем и, когда мы взобрались на возвышенность, внизу блеснула серебряная полоса – поверхность реки Сетледж. Порник оступился, коснулся носом земли – и в следующую секунду мы с ним оба тяжело покатались с невидимого откоса.

Вероятно, я потерял сознание, потому что, открыв глаза, увидел, что лежу ничком на куче мягкого белого песка. Над краем того холма, с которого я упал, загоралась бледная заря. Вот свет усилился, и я понял, что лежу в глубине впадины, так сказать, на дне песчаного подковообразного кратера, одна сторона которого была обращена прямо к мелям Сетледжа. Лихорадка оставила меня. От падения с высоты я нисколько не пострадал и чувствовал только легкое головокружение.

Порник стоял в нескольких шагах от меня. Он, понятно, сильно измучился, но совсем не ушибся. Седло мое, приспособленное для игры в поло, съехало и теперь висело под животом моего коня. Не скоро смог я поправить его, зато мне удалось осмотреть место, в которое я таким глупым образом попал.

Рискуя наскучить читателям, я довольно подробно опишу его, потому что точное представление о его особенностях в значительной мере поможет им понять все дальнейшее.

Итак, представьте себе, как я уже говорил, подковообразный песчаный кратер со стенами футов в тридцать пять высоты, состоящими из ступеней или выступов. Кажется, стены эти поднимались под углом градусов в шестьдесят пять. Плоское дно кратера представляло площадку длиной ярдов в пятьдесят с грубо устроенным отверстием в центре. В своем самом широком месте оно имело тридцать ярдов в поперечнике. Вдоль стенки кратера, приблизительно на высоте трех футов от ровной площадки, бежал целый ряд яйцеобразных, полукруглых, квадратных или многоугольных отверстий фута в три шириной. При ближайшем рассмотрении оказалось, что все эти подземелья были внутри выложены хворостом или стволами бамбука, а над входом в каждое висели как бы желоба, фута в два длиной, напоминающие козырьки жокейских фуражек. В туннелях не замечалось ни признака жизни, но в амфитеатре кратера ощущалось такое зловоние, к какому не привык даже я, несмотря на мои блуждания по селениям Индии.

Казалось, Порник не меньше, чем я, желал вернуться в наш лагерь. Я сел на него и проехал по окраине подковообразного кратера в надежде отыскать возможность выбраться из него.

Неведомые обитатели подземелья не показывались, следовательно, я был предоставлен самому себе. Первая же моя попытка заставить Порника подняться на крутую песчаную стену показала мне, что я попал в такую же ловушку, какую муравьиный лев устраивает для своей добычи. Едва мой конь делал шаг, целые тонны зыбучего песка сыпались вниз и, точно картечь, барабанили по деревянным желобам. После двух неудачных попыток мы с Порником скатились на дно кратера, задыхаясь под потоками песка. Мне пришлось подумать о берегу реки.

Тут, казалось, не могло возникнуть затруднений. Правда, песчаные холмы спускались к реке, но множество мелей и мелких мест тянулось к ее противоположному берегу. Значит, я мог бы проскакать через них на Порнике к «terra firma». Я повел Порника по пескам и вдруг с удивлением услышал слабый звук выстрела. В то же мгновение мимо головы моей лошади с визгом промелькнула пуля.

Я не мог ошибиться. Это была пуля из Мартини Генри – «пикетного» ружья. Ярдов в пятистах от меня на середине реки стояла местная лодка, которую удерживал якорь. От нее расплывались клубы дыма и таяли в тихом утреннем воздухе: это показало, с какой стороны мне послали любезный привет. Ну, был ли когда-нибудь почтенный джентльмен в таком неприятном положении? Предательский песчаный откос мешал мне ускользнуть из места, которое я посетил совершенно произвольно, а прогулка вдоль реки служила сигналом для начала бомбардировки со стороны какого-нибудь безумного туземца в лодке. Должен сознаться, что я совершенно вышел из себя.

Новая пуля сказала, что мне лучше убраться подобру-поздорову. Я поспешно вернулся в подковообразный кратер и увидел, что звук ружейного выстрела вызвал из барсучьих нор, которые я считал пустыми, шестьдесят пять человеческих существ. Я очутился перед толпой наблюдателей: тут было человек сорок мужчин, двадцать женщин и ребенок лет пяти, все еле прикрытые обрывками той ткани цвета семги, которая в уме всегда соединяется с представлением о нищем индусе. С первого взгляда мне показалось, что передо мной какие-то противные факиры. Невозможно описать, как грязны, как отвратительны были эти люди, и я задрожал, подумав, какую жизнь, вероятно, вели они в своих норах.

Даже теперь, когда местное самоуправление уничтожило часть уважения туземцев к сахибам, я еще не потерял привычки к известной вежливости со стороны людей, стоящих ниже меня, и, подходя к толпе, понятно, ждал, что странное сборище чем-нибудь выразит, что оно видит меня. Оно действительно выразило, но совсем не так, как я ожидал.

Толпа оборванцев захохотала, насмехаясь надо мной, и я надеюсь никогда больше не услышать такого хохота. Они клохтали, выли, свистели и кричали, пока я подходил к ним. Некоторые буквально катались по земле в конвульсиях от недоброго смеха. Я бросил повод Порника и, невыразимо раздраженный моими приключениями, начал изо всех сил бить всех попадавшихся мне под руку. Несчастные валились от моих ударов, как пешки. Вместо смеха раздались мольбы о пощаде, еще не тронутые мной обнимали мои колени и на всевозможных наречиях упрашивали меня пощадить их.

Среди этого смятения и как раз в ту минуту, когда я устыдился своей несдержанности, раздался тонкий, высокий голос, который прошептал за моим плечом: «Сахиб, сахиб, разве вы не узнаете меня? Сахиб, я Гунга Дасс, почтмейстер».

Я быстро обернулся и взглянул на говорившего.

Гунга Дасса (понятно, я без колебания привожу его настоящее имя) я знал четыре года перед тем: он был брамином из Деккана, и пенджабское правительство уступило его одному из государств Кхальсии. Он заведовал телеграфным отделением и, когда я в последний раз видел его, был веселым, важным слугой правительства, отпустившим порядочное брюшко и любившим плохие английские острофы. Эта-то особенность и заставила меня помнить о нем после того, как я забыл услуги, оказанные им мне в качестве официального лица. Немногие индусы любят английские каламбуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.